

С.Г. ТЕР-МИНАСОВА

СИНТАГ- МАТИКА

*функциональных
стилей
и оптимизация
преподавания
иностранных
языков*

С. Г. ТЕР-МИНАСОАН

СИНТАГМАТИГА
функциональных
стилей
и оптимизация
преподавания
иностранных
языков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1986

Тер-Минасова С. Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 152 с.

В монографии ставится вопрос о словосочетании на широком фоне различных типов синтагм — от производного слова до предикативных синтагматических единиц. Сформулированы и обоснованы методологические принципы изучения синтагматики.

Книга предназначена для филологов, интересующихся проблемами синтаксиса, лексикологии, стилистики и методики преподавания иностранных языков.

Рецензенты:

доктор филологических наук *О. В. Александрова*,
доктор филологических наук *Н. Б. Гвишиани*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Светлана Григорьевна Тер-Минасова

**СИНТАГМАТИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ
СТИЛЕЙ И ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Зав. редакцией *М. Д. Потапова*. Редактор *Л. В. Кутукова*. Обложка художника *И. С. Клейнарда*. Художественный редактор *М. Ф. Евстафиева*. Технический редактор *Г. Д. Колоскова*. Корректоры *Л. А. Айдарбекова*, *Т. С. Милякова*.

ИБ № 2423

Сдано в набор 07.08.85. Подписано к печати 05.02.86. Л-67055 Формат 60×90/16.
Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,5
Уч.-изд. л. 10,68 Тираж 1500 экз. Заказ 160 Цена 1 р. Изд. № 4091

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. 119899, Москва, Ленинские горы

Т $\frac{4602000000-046}{077(02)-86}$ 179—86

© Издательство Московского университета, 1986 г.

Предисловие

В предлагаемой книге рассматриваются актуальные вопросы современного языкознания: о синтагматике как учении о способах линейного соположения минимальных значащих единиц языка (слов и морфем), о лексической сочетаемости слов в речи, о словосочетании как важнейшей единице языка и речи. При этом вопрос о словосочетании ставится на широком фоне различных типов синтагм — от производного слова до предикативных синтагматических единиц.

Особое внимание уделено вопросам методологии: глава I части I специально посвящена методологическим основам изучения фразеологии в самом широком смысле слова, фразеологии как лексико-семантической сочетаемости слов в речи.

Новым направлением в синтагматике является исследование стилеразличительных возможностей синтагм, т. е. вопрос о характере синтагмы как признаке функциональных стилей.

В центре внимания находится собственно дидактический аспект проблемы сочетаемости, те трудности, которые в этой связи возникают при обучении иностранным языкам, при повышении культуры речи.

Синтагматическая теория, созданная советскими филологами, осмысливается через призму ее практического применения: основные положения этой теории рассматриваются в плане оптимизации преподавания иностранных языков, используются для решения сложнейшего методического вопроса о выборе и моделировании учебного материала.

Следует особо подчеркнуть методологическую важность попытки увязать теоретические исследования с практикой, причем не только с практикой преподавания иностранного языка, но и с практикой общения (коммуникации) при помощи естественных языков в конкретных условиях места, времени, социальной принадлежности.

Книга предназначена для филологов, интересующихся проблемами синтаксиса, лексикологии, стилистики и методики преподавания иностранных языков.

Автор приносит самую искреннюю благодарность

профессору О. С. Ахмановой за постоянную помощь и консультации.

Автор глубоко признателен официальным рецензентам: доктору филологических наук О. В. Александровой и доктору филологических наук Н. Б. Гвишиани.

Автор благодарит коллективы кафедры английского языка филологического факультета и кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова за помощь и поддержку в работе, а также сотрудников филологической редакции издательства МГУ, которые с большим вниманием отнеслись к этой книге

С. Г. Тер-Минасова

Введение

Одна из главных задач настоящей книги — дальнейшая разработка теории словосочетания. «Дальнейшая» потому, что исследование опирается на твердо установленные положения, выдвинутые советским языкознанием¹: 1) словосочетание — это свободный эквивалент фразеологической единицы и, через последнюю, — слова; 2) словосочетание — это **номинативная** единица языка, так как оно выражает единое, хотя и расчлененное, понятие; 3) словосочетание — это «строительный материал», используемый говорящим в речи.

В настоящей работе делается попытка ответить на ранее не ставившийся вопрос о том, как различаются между собой функциональные стили по характеру избираемых ими разновидностей синтагматики, т. е. может ли характер составной номинативной единицы служить признаком функционального стиля.

Словосочетание исследуется на широком фоне остальных синтагматических соединений, т. е. рассматривается в общей синтагматике английского языка. В результате, с одной стороны, сопоставление словосочетания с иными синтагматическими единицами глубже и полнее раскрывает его природу, выделяет новые его свойства и характеристики и вносит поправки в уже известные, а с другой стороны — уточняется и развивается само понятие «синтагматики». Поэтому и термин «синтагма» приобретает широкое определение как всякое составное номинативное образование из двух и более значащих единиц, расположенных в определенной линейной последовательности, т. е. идущих друг за другом в речевом потоке. Объединяющими признаками всех видов синтагм (как предмета изучения синтагматики) являются: 1) линейная последовательность составляющих компонентов; 2) их номинативный характер. Синтагмы, таким образом, это составные номинативные единицы, получающиеся в результате соположения единиц более низкого уровня (слова — из морфем, словосочетания — из слов), которые могут функционировать в качестве «потенциального минимума предложения» и, следовательно, функционально эквивалентны монологическим единицам.

Сложные образования, объединяемые термином «синтагматика», не могут выступать в качестве предложения, все они — номинативные единицы, но особого рода, поскольку ни одна

¹ Наиболее полное выражение учение о словосочетании получило в трудах академика В. В. Виноградова (см. Библиографию).

не является «непроизводной». Даже в тех случаях, когда синтагма цельнооформлена (производное слово), она остается явно членимой на линейно последовательные компоненты, она явно мотивирована, явно «сделана», «составлена» из значащих единиц языка. Именно поэтому сложные и производные слова включаются в настоящую работу только при условии, что они являются реализацией определенной лексической морфологической категории. При этом необходимо еще раз подчеркнуть различие между «членимостью» сложного образования и его «продуктивностью». В область синтагматики входят не вообще производные слова (т. е. такие сложные лексемы, которые могут быть «расчленены» на составляющие их компоненты), а только те из них, которые являются прямой реализацией данной лексической морфологической категории и, следовательно, создаются говорящим для удовлетворения данных потребностей общения. Целесообразно напомнить об агглютинативном характере подобных образований и таким образом объяснить особую важность этого раздела для английского языка, имеющего ярко выраженные аналитические тенденции.

Итак, синтагматика исследует различные комплексные образования — от производных слов до самых сложных типов словосочетаний. Соответственно различаются два вида синтагматики: лексическая, изучающая соположение морфем (производные и сложные слова), и синтаксическая, изучающая соположение слов (словосочетания). Одно и то же понятие может быть выражено параллельными образованиями обоих типов: *словосочетание* — *сочетание слов*, *словоформа* — *форма слова*, *языкознание* — *наука о языке*, *клубничина* — *ягода клубники*, *тигренок* — *детеныш тигра*, *льбина* — *глыба льда*.

В отличие от русского в германских языках вообще и в английском в особенности разграничение лексических и синтаксических образований — сложный вопрос. Проблема разграничения лексического и синтаксического способов соединения элементов стоит для английского языка весьма остро: во-первых, из-за наличия образований типа *stone wall*; во-вторых, из-за того, что сопологаемые таким образом корневые морфемы не имеют, в отличие от немецкого и других германских языков, закономерного слитного написания; в-третьих, из-за неизменяемости прилагательных по числам и падежам. Вопрос еще более осложняется, если принять во внимание чрезвычайную распространенность гипостазиса (явления перехода одной части речи в другую по конверсии) в современном английском языке.

Хотя словосочетание продолжает оставаться в центре внимания, оно рассматривается в общей системе составных номинативных единиц. Но основная задача исследования — выявить и показать взаимосвязь и соотношение разных видов составных комплексов, объединяемых понятием «синтагма». Для этого необходимо сначала установить то общее, что объединя-

ет все синтагматические образования: производное слово, сложное слово и словосочетание, а затем выделить то отдельное, особенное, что отличает их друг от друга.

Говоря о синтагматике, следует отличать этот термин от термина «синтаксис», в котором вторая из составляющих его морфем восходит к греческому *tasso* *упорядочиваю, организую*.

Соотношение между синтагматикой и синтаксисом можно определить так: синтагматика — общее учение о принципах соположения значащих элементов языка. В сфере ее изучения находятся составные языковые единицы разных уровней, причем все их объединяет номинативный характер.

Синтаксис — наука о построении речи. В основе построения речи лежит совокупность единиц данного языка и правил их соединения. Роль слова как предельной единицы построения речи, как основной номинативной единицы языка твердо установлена. Можно предположить, следовательно, что процесс построения речи сводится к объединению слов как предельных единиц в соответствии с правилами их сочетания, свойственными данному конкретному языку, в предложения, где реализуются номинативные значения слов и содержание высказывания непосредственно соотносится с действительностью (т. е. осуществляется предикация, лежащая в основе понятия предложения). В связи с этим предложение оказывается основной единицей синтаксиса как науки о построении речи, и синтаксис становится понятием гораздо более сложным и многоплановым, чем синтагматика, потому что изучение процессов естественного речеобразования включает в себя, помимо языковедческих вопросов, целый ряд проблем из других областей знания: психологии, логики, психолингвистики, теории информации и др. Поскольку синтаксис изучает не только номинативные (как у синтагматики), но и **предикативные** единицы языка, в основе которых лежит предикация как отнесение содержания высказывания к **действительности**, исследование проблем науки о построении речи неизбежно осложняется внеязыковыми, экстралингвистическими моментами. Такие крупнейшие проблемы синтаксиса, как учение о членах предложения, разница между статическим и динамическим построением речи (актуальное членение, функциональная перспектива), различие плавной и неплавной речи и др., оказываются теснейшим образом связанными с понятиями логическими, психолингвистическими и, наконец, непосредственно с «предметами мысли» (*things meant*), с внеязыковой реальностью, отраженной в речи.

В настоящее время особое внимание языковеды уделяют единицам построения речи, большим, чем предложения, а именно сверхфразовым единствам, глобальному тексту. Таким образом, сфера изучения синтаксиса значительно увеличилась.

Если сравнить объекты исследования синтаксиса (словосочетание, предложение, сверхфразовое единство, текст) с объ-

ектами исследования синтагматики (производное слово, нестойкое сложное слово, словосочетание), становится ясно, что именно словосочетание является той ключевой единицей, через которую устанавливается связь между синтаксисом и синтагматикой.

Синтагматический и синтаксический виды анализа взаимосвязаны и взаимозависимы: необходимо, чтобы синтаксическому анализу предшествовал синтагматический. По-видимому, следует считать нецелесообразным анализ высказывания по членам предложения до того, как оно было изучено с точки зрения его синтагматической структуры. Иными словами, сначала нужно понять сложные соотношения минимальных значащих единиц языка, установить их лексико-фразеологические связи, а уже затем на более высоком уровне абстракции анализировать высказывание синтаксически. Без этого предварительного анализа, на котором выясняется синтагматика данного произведения речи, синтаксический анализ носит формальный характер и не способствует проникновению в содержание-намерение высказывания.

Так, например, *I went back to my room and changed my collar and brushed my hair* (J. Braine). На уровне синтагматики *went back, my room, changed my collar, brushed my hair* образуют тесно связанные синтагмы, устойчивые, регулярно воспроизводимые, вносимые в речь в «готовом виде» соединения, функционально эквивалентные слову (в случае *went back* такое слово даже имеется в английском языке — *returned*). *Went back to my room* также представляет собой синтагматически связанный комплекс, объединенный синкатегорематическим словом — предлогом *to*, который является единственным способом сочетания непереходного глагола *to go* с дополнением *my room*.

Формальный синтаксический анализ на уровне членов предложения: *went back* — сказуемое (или даже *went* — сказуемое, *back* — обстоятельство места), *to my room* — предложное дополнение, *changed* — сказуемое, *my collar* — прямое дополнение и т. п. вряд ли поможет понять содержание-намерение этого высказывания, если предварительно не будут установлены синтагматические связи между компонентами, т. е. если синтагматический анализ не предшествовал синтаксическому.

По сравнению с синтаксисом синтагматика — наука гораздо более «языковедческая». Она ограничивается вопросами соположения предельных языковых единиц в соответствии с имеющимися в данном языке правилами — гораздо более определенными и четкими, чем, например, в таких сферах синтаксиса, как разговорная речь или уровень динамического синтаксиса, где синтаксические правила оказываются как бы «размытыми».

Таково различие между синтагматикой и синтаксисом в са-

мом общем виде. Но где конкретно проходит «верхний» предел исследуемой области знания, т. е. где «кончается» синтагматика и «начинается» синтаксис? Если до сих пор эта граница устанавливалась просто отношением словосочетания к малому синтаксису (в отличие от большого синтаксиса — синтаксиса предложения), при новой постановке коренных вопросов этого раздела языкознания возникла необходимость изучения словосочетания не просто как номинативной единицы языка, стоящей в одном ряду со словом. Расширив область синтагматики до включения в нее всех категориально подобных составных единиц, нельзя ограничиться движением по нисходящей шкале. Необходимо также пойти «вверх» и выяснить, как видоизменяются словосочетания и их лексические эквиваленты в соответствии с требованиями большого синтаксиса, что происходит с составными номинативными единицами, когда они предстают в их реальном функционировании в речи, т. е. в тех реальных ситуациях общения, когда малый и большой синтаксисы выступают как неразрывное диалектическое единство. Основным для настоящей работы является следующий тезис: словосочетание **двойственно** по своей природе, так как занимает промежуточное положение между словом и предложением. Именно поэтому оно оказывается той ключевой языковой единицей, которая раскрывает сложную диалектику языка и речи, номинации и предикации. Первоначально название предметов и понятий (номинация) как бы отделялось от соотнесения высказываемого с действительностью (предикации). Словосочетание как номинативная единица выделялось для детального рассмотрения его свойств и характеристик, причем особенно удобным это оказывалось сделать на материале атрибутивного словосочетания, наиболее тесно связанного комплекса, одна из частей которого является «членом члена» предложения. Именно поэтому комплекс в целом наиболее ярко иллюстрирует эквивалентность его слову. Однако отсюда не следует, что все составные номинативные единицы, выделенные из речи для удобства их изучения, всегда такими и остаются. Получить полную картину можно только с учетом тех их свойств, которые они проявляют в их реальном функционировании в речи, а значит, в условиях предикации.

Речь — основная форма существования языка. Языковые единицы реализуются в речи. Язык и речь неразрывно связаны. Соответственно неразрывно связаны между собой номинативная и предикативная стороны речи, и словосочетание, диалектически объединяющее в себе оба эти момента, оказывается, таким образом, важнейшей единицей науки о построении речи также и потому, что номинативные единицы — синтагмы — гораздо более «национальны», «специфичны» (в смысле отражения в них специфики данного национального языка), чем предикативные: предложения и — далее — сверхфразовые единства. По-видимому, именно в номинации, в назывании,

особенно в создании мотивированных составных номинативных комплексов, являющихся предметом синтагматики, отражается индивидуальность данного говорящего коллектива. Предикация же, соотнесение высказывания с действительностью, основывается на общих универсальных для различных языков принципах — например, на обязательном единстве таких синтаксических категорий, как время и наклонение, поскольку отнесение к действительности предполагает временную и модальную определенность высказывания. Поэтому изучение синтагматики помогает раскрыть специфические особенности соположения единиц именно данного языка.

* *
*

Переходим теперь к вопросу о разграничении функциональных стилей на основе характера синтагматики, т. е. к вопросу о том, может ли характер синтагматических соединений служить признаком разграничения функциональных стилей².

Особенности функциональных стилей исследуются по разным параметрам: отбор лексики, типы произношения, длина предложения и т. п. Поскольку функциональные стили часто различаются не столько наличием-отсутствием сопоставляемого элемента, сколько большей или меньшей степенью его употребления, ряд работ посвящен перспективам и возможностям применения статистических методов для лингвостили-

² О различном функциональном использовании языковых единиц, о заложенной в языке возможности варьирования «более или менее синонимических средств выражения» писал академик Л. В. Щерба (Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957).

Еще раньше необходимость развития различных аспектов стилистики, в частности, изучения функциональных стилей и того, каким образом принадлежность речевого произведения к тому или иному стилю влияет на выбор слов и синтаксических конструкций, отмечал В. П. Сухотин, автор многих работ по синтаксису русского языка: «...употребление и употребительность тех или иных словосочетаний всецело определяется смысловой стороной всего контекста, как всякая форма объясняется и определяется ее содержанием. Язык как богатейшая сокровищница исторически сложившихся выразительных средств дает полную возможность говорящему и пишущему производить их тщательный отбор, в соответствии с общей идеей произведения-высказывания, его содержанием и способом раскрытия данной темы» (Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 170).

Аналогичную точку зрения на проблему соотношения литературного языка и речи высказал Р. А. Будагов. В книге «Литературные языки и языковые стили» он формулирует задачи стилистики как функциональной дисциплины: «Развитый язык как бы предоставляет говорящему и пишущему возможность передать свои мысли и чувства самыми разнообразными средствами. Стилистика и изучает эти разнообразные средства, относящиеся к фонетике, к морфологии, к словообразованию, к синтаксису, к лексике, к фразеологии, к интонации и т. п.» (Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 128).

стического анализа³. Однако какие бы параметры ни выделялись и какие бы конкретные приемы исследования ни применялись, твердо установлено основное деление функций языка на «сообщение» и «воздействие». Это две важнейшие функции, сложное диалектическое единство которых составляет сущность функции общения в широком смысле слова.

Огромная роль функции сообщения в процессе речевого общения настолько очевидна, что не нуждается в пояснении. Передача информации, особенно научной, имеет решающее значение для прогресса человечества, и не удивительно, что языкознание XX века все больше внимания уделяет именно этому виду речевой деятельности, именно функциональному стилю научной прозы.

Функция воздействия, «не столько противопоставленная, сколько сопоставленная»⁴ с функцией сообщения, реализуется в тех случаях, когда процесс рчеобразования направлен не только и не столько на передачу какой-то интеллективной информации, сколько на то, чтобы вызвать у слушающего или читающего определенную эмоционально-оценочную реакцию. Эта функция находит свое наиболее полное выражение в словесно-художественном творчестве, в стиле художественной литературы⁵.

Разграничение функций сообщения и воздействия, а также соответствующих функциональных стилей не означает, что эти понятия действительно разобщены⁶. Речь может идти лишь о **преобладании** той или иной функции, поэтому для выделения наиболее явных стилеразличительных характеристик с точки зрения синтагматики избраны два основных функциональных стиля, в каждом из которых соответствующая функция реализуется максимально полно, а именно: стиль научной прозы и стиль художественной литературы, т. е. стиль интеллективный и стиль художественный.

Хотя проблемам стилистической дифференциации текста всегда уделялось и уделяется большое внимание, вопрос о том, как различаются между собой функциональные стили по характеру избираемых ими разновидностей синтагм, еще не рас-

³ См.: Фатющенко В. И. О перспективах применения статистических методов в филологическом исследовании. — В кн.: Ахманова О. С. и др. О принципах и методах лингвистического исследования. М., 1966; Головин В. Н. Из курса лекций по лингвистической статистике. Горький, 1966; Шайкевич А. Я. Опыт статистического выделения функциональных стилей. — Вопросы языкознания, 1968, № 1.

⁴ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 6.

⁵ Художественная литература является основной, но не единственной сферой реализации функции воздействия: эта функция доминирует в таких формах речевой деятельности, как пресса, радио и другие средства массовой коммуникации.

⁶ О соотношении этих функций и функциональных стилей см.: Чаковская М. С. Функция воздействия и функция сообщения как текстологическая проблема. Автореф. канд. дис. М., 1978.

сма­тривался. Также ни в какую связь не ставятся проблемы «свободы» («продуктивности») словосочетания, с одной стороны, и принадлежности его к тому или иному стилю, с другой. По-видимому, неудачные попытки исследования коллокационной приемлемости или неприемлемости словосочетания объясняются именно игнорированием этой стороны вопроса. Действительно, считать, что в языке имеются слова, которые, сочетаясь в плане коллигации, были бы лексико-фразеологически абсолютно несовместимы **ни в каком регистре**, принципиально неправильно. Даже знаменитые «colourless green ideas...» и т. п. вошли в лингвистический фольклор и, обойдя десятки языковедческих работ, стали фактом языка. Практически всегда можно найти такой регистр или такую ситуацию, в которой любое соположение предельных единиц как в лексической, так и в синтаксической синтагме может оказаться вполне уместным.

В части I настоящей книги излагаются основы учения о синтагматике, представлены результаты исследования синтагматических особенностей современного английского языка на базе категорий лексико-морфологических и семантико-стилистических. Изучение синтагматики основывается на диалектическом единстве языка и речи, номинации и предикации, малого и большого синтаксиса.

В части II внимание сосредоточено на стилеразличительных возможностях синтагм.

В части III результаты исследования синтагматики основных функциональных стилей обобщаются в виде научных рекомендаций для оптимизации речи, повышения ее культуры и в первую очередь совершенствования методов преподавания и изучения иностранных языков.

Часть I. СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАГМАТИКИ

Метод как средство познания есть способ воспроизведения в мышлении изучаемого предмета¹. Наука веками разрабатывала и использовала самые разнообразные конкретные методы для изучения своих специальных проблем. Всеобщий же метод, разрабатываемый наукой наук — философией, лежит в основе всех конкретных методов других наук, является главным оружием познания во всех областях. Это метод марксистской материалистической диалектики, основанный на наиболее общих законах развития мира. Изучение этих законов, определение источника и движущих сил развития природы и общества — главные задачи материалистической философии. Марксистская диалектика считает движущей силой и источником всякого развития диалектическое противоречие, единство и борьбу противоположностей². Именно противоречие — главная категория материалистической диалектики. Следовательно, изучая то или иное явление, пытаясь понять его наиболее общие и наиболее существенные свойства (категории), необходимо все время помнить о внутренних диалектических связях между явлениями материального мира, о единстве противоположных тенденций как законе развития этого мира.

Забвение этих азбучных истин марксизма, абсолютизация отдельных сторон предмета изучения приводят к схематизму, обеднению и искажению этого предмета.

Чтобы максимально глубоко и тщательно изучить конкретный предмет или явление, ученый старается искусственно разложить целое на составные части (анализирует), выделяет отдельные свойства и характеристики (искусственно потому, что в реальности этот предмет или явление существует в нераз-

¹ Философский словарь. Изд. 3-е. М., 1975, с. 241.

² «Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203).

рывной совокупности всех свойств и характеристик, к тому же взаимосвязанных и взаимообусловленных), т. е. «разрывает» эту неразрывную совокупность, чтобы «высветить» какую-то отдельную сторону, повернуть то одной, то другой гранью. Это необходимый «лабораторный» этап любого научного исследования, однако следует все время помнить об известной условности, искусственности этого этапа, о своего рода «насилии» над явлением реального мира, об определенной натяжке, потому что при высвечивании, выделении отдельных сторон нарушается «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления... связь, дающая единый закономерный мировой процесс движения»³. Это не означает, что ученый не имеет права на подобное «насилие». Наоборот, научное исследование невозможно без этого первого и обязательного этапа — рассмотрения «под увеличительным стеклом» отдельных элементов, граней изучаемого предмета. Однако следующим обязательным этапом должен быть пересмотр всех наблюдений и выводов через призму положения о диалектическом единстве всех изученных отдельных сторон, об их взаимосвязях, не говоря уже о необходимости всестороннего изучения предметов и явлений материального мира.

Это главное противоречие науки вообще — необходимость искусственно, насильно «разламывать» целое на составные части для того, чтобы изучить отдельные свойства неразрывной совокупности свойств, — является в соответствии с принципами материалистической диалектики основной движущей силой самой науки.

Согласно методологии марксизма явления реального мира должны изучаться **всесторонне**, с учетом диалектических связей между всеми сторонами каждого явления и между явлениями.

В языкознании методология марксистской диалектики раскрывает сущность языка исходя из диалектического единства его синхронических (одновременных, системно-структурных) и диахронических (разновременных, исторических) характеристик, диалектического единства языка и речи (как общего и отдельного), формы и содержания языковых единиц, устной и письменной форм речи и т. п.

Из всей совокупности приведенных оппозиций важнейшей является диалектическое единство разновременного и одновременного в языке. Естественный человеческий язык развивается и, следовательно, изменяется непрерывно, он существует в постоянном, ежечасном изменении, поэтому изучение языковых явлений возможно лишь с учетом этих изменений⁴. Не изменяются лишь мертвые языки, застывшие на опреде-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

⁴ «Язык — феномен изменяющийся. Понять изменяющееся невозможно без учета изменений» (Чикобава А. Н. Историзм и лингвистика. — Вопросы языкознания, № 6, 1980, с. 6).

ленном историческом этапе. Соответственно отрыв синхронии от диахронии, чисто синхронический подход к изучению языка омертвляет язык, лишает его не только прошлого, но и будущего, потому что исторический подход предполагает не только изучение прошлого, истории (в том числе и языковых явлений), но и прогнозирование их будущего, научное предвидение развития той или иной тенденции.

В языкознании это важнейшее положение диалектического материализма, к сожалению, слишком часто игнорировалось и внимание ученых либо концентрировалось на собственно историческом чисто диахроническом подходе (особенно в XIX веке), либо сосредоточивалось на абсолютизации синхронического изучения языка в XX веке. Сильный крен в сторону синхронического, одновременного языковедческого исследования был вызван чрезмерным увлечением историческими изысканиями ученых прошлого века — из одной крайности наука о языке бросилась в другую. Большое влияние на современную лингвистику оказало и то, что в учении Ф. де Соссюра синхрония и диахрония резко противопоставлены и предпочтение отдано синхроническому исследованию⁵. Согласно этому учению язык как система синхронен, диахрония имеет дело не с языком, а лишь с его изменениями, задача лингвиста — изучить язык как систему, следовательно, только синхронически. Столь категоричное и бескомпромиссное противопоставление синхронии и диахронии привело к тому, что многие современные теории отводят ведущее место синхронии, их последователи утверждают «правомерность чисто синхронного подхода к изучению языковых явлений»⁶, при этом диахрония, т. е. разновременное, вытесняется панхронией, т. е. всевременным.

Склонность к абсолютизации синхронического подхода к изучению явлений природы и общества свойственна не только современному языкознанию, но и вообще науке XX века.

На важность положения материалистической диалектики о необходимости рассматривать каждое явление в единстве синхронического и диахронического аспектов с учетом исторического пути развития данного явления, а также — увы! — на то, что ему не всегда следует современная наука, указывает особое внимание, которое уделяют этому положению философы в наши дни. На международном симпозиуме «Диалектический материализм и современная наука» (Прага, 1978) его

⁵ «Первое, что поражает, когда приступаешь к изучению языка, — это то, что для говорящего не существует последовательности этих фактов во времени: ему непосредственно дано только их состояние. Поэтому и лингвист, желающий понять это состояние, должен закрыть глаза на то, как оно получилось, и пренебречь диахронией» (Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 114). «Противоположность двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютная и не терпит компромисса» (там же, с. 115).

⁶ Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 6.

участники указывали на те опасные уклоны, которые возникают при несоблюдении этого важнейшего принципа марксистской диалектики: «Марксизм понимает диалектику как науку о связях. Следовательно, и законы, которыми она оперирует, являются законами структуры. Развитие является фактически саморазвитием структур или систем, источником качественных изменений, так как оно внутренне присуще всякой структуре. Таким образом, **законы развития** следует выводить из структурных законов систем и **наоборот**.

Отсюда — необходимость синтеза диахронического и синхронического в диалектическом анализе, синтеза, который исключает абсолютизацию как диахронического (механицистский эволюционизм), так и синхронического (метафизический структурализм) подхода к трактовке природы и функционирования явлений»⁷.

Приведем примеры того, как при изучении каждого, самого частного и конкретного языкового явления необходимо учитывать единство синхронического и диахронического, одновременного и разновременного.

Один из острых вопросов современной терминологии — проблема отделения термина от номенклатуры⁸. В решении этой проблемы необходимо учитывать исторический момент, момент развития, при этом (повторим еще раз) понимая разновременное, диахроническое и как прошлое, и как будущее, и как «ретро», и как «про». Действительно, в процессе развития то, что вчера было номенклатурой, сегодня (или завтра) будет термином, т. е. может образовать родовидовые отношения с теми единицами, которые возникают в процессе исторического развития.

Например, в терминологической системе электронно-вычислительной техники слова *фортран* или *алгол* являются номенклатурными по отношению к термину «искусственные машинные языки». Однако в последнее время в связи с возникновением таких разновидностей алгола, как *алгол-60*, *балгол*, *алгол-68* и др., номенклатура *алгол* может рассматриваться по отношению к этим разновидностям как термин.

Другой пример из области словообразования. Изучение весьма распространенного продуктивного английского суффикса деятеля -ег возможно лишь в единстве синхронии и диахронии, в единстве прошлого, настоящего и будущего. **Всестороннее** изучение конкретного языкового факта предполагает и

⁷ Диалектический материализм и современная наука. Материалы международного симпозиума. Прага, 1978, с. 68.

⁸ Термин — слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, служащего для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 474); номенклатура — совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названия типичных объектов данной науки (там же, с. 270).